

УДК 165.6
ББК 86.42(4Ита)

Максим Викторович Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Россия, Нижний Новгород, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

Интерпретации эзотеризма Данте в британских и русских исследованиях середины XIX – второй половины XX в.¹

Аннотация. Статья носит историографический характер и посвящена проблематике интерпретаций эзотерического содержания идей и творчества Данте у британских и российских исследователей с середины XIX до второй половины XX века. Раскрыто значение британской традиции интерпретации эзотеризма Данте от Джорджа Макдональда к К.С. Льюису и особенно Чарльзу Уильямсу. Анализируется неоромантическая теология Уильямса с ее жесткой связью между метафизикой любви и учением об Империи, что позволяет сопоставить достижения Уильямса с хронологически более поздними работами Гвидо де Джорджо и Романо Гвардини. Показано, что интерпретация образа Беатриче у Уильямса близка к софиологии. Достижения западноевропейских исследователей эзотерического наследия Данте сопоставляются с вкладом российских специалистов. Отмечена роль о. Георгия Флоровского, который интересовался метафизикой Империи у Данте и первым ввел труды Уильямса в оборот среди русских авторов. Особое внимание уделено «Мнимостям в геометрии» о. Павла Флоренского, опередившего зарубежных ученых в обращении к космологии «Божественной комедии» и предпринявшего единственную в своем роде попытку ее физико-математической интерпретации. Рассмотрены труды позднесоветских (1960-е – 1980-е гг.) и постсоветских академических исследователей, вновь вернувших вопросы эзотеризма в творчестве Данте в сферу рассмотрения. Сделан вывод об отсутствии непрерывности изучения эзотеризма Данте в историографии как в Великобритании, так и в России, в отличие от ситуации в Италии и Франции, что не мешает подчеркнуть выдающиеся достижения отдельных русских, английских, шотландских исследователей.

Ключевые слова: эзотеризм Данте, западный эзотеризм, средневековая космология, fedeli d'amore, орден тамплиеров, учение Данте об Империи, интегральный традиционализм, Инклинги, неоромантическая теология Чарльза Уильямса, космология Павла Флоренского

Maksim Viktorovich Medovarov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Sciences in History, Docent, Associate Professor of Information Technologies in Humanitarian Studies Department, Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

Interpretations of Dante's Esotericism in British and Russian Studies from the Mid-19th to the Late 20th Century

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Данте и Соловьёв: к 700-летию смерти Данте Алигьери». Иваново, ИГЭУ, 1–2 октября 2021 г.

Abstract. This contribution has a historiographical nature and is devoted to the interpretations of the esoteric content of Dante's works made by British and Russian scholars from the middle of the nineteenth to the second half of the twentieth century. In particular, the meaning of the British tradition of interpreting Dante's esotericism – from George MacDonald to C.S. Lewis, with a special focus on Charles Williams – is here explored. The neo-Romantic theology of Williams is analyzed along with its rigid connection between the metaphysics of love and the doctrine of Empire. This connection, in fact, makes it possible to compare Williams' achievements with the later works of Guido de Giorgio and Romano Guardini. In this regard, Williams' interpretation of Beatrice image appears to be close to Sophiology. The main achievements of Western European studies of Dante's esoteric heritage are then compared with the contributions of the Russian specialists. The role of Rev. Georgy Florovsky, who was interested in Dante's metaphysics of the Empire and was the first to introduce Williams' works among Russian authors, is highlighted. Particular attention is paid to Rev. Pavel Florensky's "Imaginary Numbers in Geometry" – a work that was ahead of its times both in approaching the "Divine Comedy" from a cosmological point of view and in making a unique attempt of interpreting its physical and mathematical structure. Finally, this article considers the works of the late Soviet (1960s – 80s) and post-Soviet academic scholars, who reexamined a number of esoteric issues in Dante's output. The author concludes that – unlike what happened in Italy and in France – both in Great Britain and in Russia it is not possible to speak of a historiographical continuity within the studies on Dante's esotericism. However, this fact does not prevent from emphasizing the outstanding achievements of some individual Russian, English, and Scottish scholars.

Key words: Dante's Esotericism, Western Esotericism, Medieval Cosmology, Fedeli d'Amore, Order of the Knights Templar, Dante's Doctrine of Empire, Integral Traditionalism, Inklings, Charles Williams' Neo-Romantic Theology, Pavel Florensky's Cosmology.

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.1.086-102

Рассмотрев историю изучения французскими и итальянскими специалистами вопросов, связанных с эзотеризмом в творчестве Данте Алигьери, в контексте его эпохи², мы пришли к необходимости дать оценку также британской и российской историографии данной темы. Нетрудно заметить, сколь важное место занимает эта проблематика среди дантоведческих исследований в целом. Степень и характер связи поэта с тамплиерами, трубадурами, катарами, исламскими эзотериками; его причастность к организации «верных любви» (*fedeli d'amore*); глубина познаний Данте в алхимии, нумерологии и неоплатонической метафизике – вопросы, от решения которых зависит интерпретация многих моментов в наследии поэта, в частности соотношения его католицизма с «еретическими» или, по крайней мере, гетеродоксальными учениями, связи его политической «гибеллинской» позиции с любовной линией Беатриче и др. Эти вопросы, на которые по-разному пытались ответить Э. Ару и Дж. Пасколи, Л. Валли и А. Регини, Р. Генон и

² См.: Медоваров М.В. Интерпретации эзотеризма Данте в итальянских и французских исследованиях середины XIX – второй половины XX в. // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 4(72). С. 82–105 [1].

Ю. Эвола, Г. де Джорджио и Р. Гвардини, привлекали не меньшее внимание ряда крупных фигур в Великобритании и России.

Мы уже констатировали факт, что хронологически первыми исследованиями эзотеризма Данте считаются книги Габриэля Россетти, вышедшие на итальянском языке в Лондоне в 1827–1842 гг. и предназначенные для итальянских читателей. Однако, разумеется, эти труды не могли остаться без влияния и в самой Англии, особенно учитывая колоссальную значимость для английской культуры поэта и художника Данте Габриэля Россетти – сына вышеупомянутого исследователя, названного в честь автора «Божественной Комедии». Неудивительно, что с кругом прерафаэлитов, в центре которого находился Россетти-младший, имел связи крупнейший шотландский писатель и богослов Джордж Макдональд. Порвав с кальвинизмом и обратившись к святоотеческому богословию, обладая глубокими познаниями европейской книжной и фольклорной традиции, Макдональд избрал путь насыщения своих сказок для детей и романов для взрослых изложением серьезных эзотерических, метафизических доктрин, что избавляло его от необходимости излагать их эксплицитно.

Наиболее показательны в этом плане его романы «Фантастес» и «Лилит», сказки «Золотой ключ» и «По ту сторону Северного Ветра». В последнем случае речь идет о мифической Гиперборее, которая понимается Макдональдом как загробный мир, путь куда лежит не по морю и не по суше³. В качестве авторитета писатель ссылается в данном случае на Данте, называя его полным именем при рождении – Дуранте, «что в переводе означает Непреходящий, ибо книги его будут жить, пока человечество достойно обладать ими»⁴. Этот «великий итальянец благородного происхождения», живший более пяти веков назад, по утверждению автора, «пришел в Страну Северного Ветра через огонь, такой жаркий, что ему хотелось броситься в кипящую воду, чтобы остыть»⁵. Макдональд прямо соотносит описание Земного Рая (высшей точки Чистилища) в «Божественной Комедии» со своей Страной Северного Ветра (Гипербореей), где вечно царит май, «люди там свободны, справедливы и полны здоровьем, и каждый из них увенчан царской короной и священной митрой»⁶. Далее писатель уточняет: «Дуранте говорит, что люди в этой стране всегда следуют своим желаниям, ибо ничего кроме добра не желают»⁷.

В XX столетии своим «учителем» называл Джорджа Макдональда такой глубокий знаток литературы высокого средневековья и эпохи Возрождения, как К.С. Льюис. Тем не менее он не прославился специальными работами о Данте. Парадоксально, но творчество автора «Божественной Комедии» остается вне рассмотрения в главной ранней монографии Льюиса «Аллегория люб-

³ См.: Макдональд Дж. Страна Северного Ветра. М.: Центр Нарния, 2005 [2].

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Там же. С. 108.

ви». В своей последней прижизненной книге «Отброшенный образ» (1963 г.) этот медиевист, рассматривая средневековую картину мира – космологическую Модель (с заглавной буквы), ограничивается утверждением, что Данте ей восхищался⁸, хотя следовало бы скорее ставить вопрос о том неопределимом вкладе, который тот внес своей «Комедией» в само оформление этой Модели. Правда, Льюис всё же оговорился о том, что «Божественная комедия» Данте и «Сумма теологии» Фомы Аквинского систематизировали в деталях уже существовавшую Модель⁹, придав ей христианскую окраску там, где прежде она была чересчур «античной»: «Восторженное созерцание Модели и напряженное религиозное чувство специфически христианского склада редко – за исключением разве что стихов дантовской поэмы – оказывались сплавлены воедино» [3, с. 651]. О космологии Данте в итоге Льюис говорит приблизительно то же, что до него говорил Гвардини, также рассуждавший в терминах «отброшенной картины мира», сохраняющей в то же время для нас непреходящее экзистенциальное значение¹⁰.

То, что К.С. Льюис уделял недостаточно внимания творчеству Данте, во многом объясняется огромным влиянием, которое на него оказали труды его старшего соратника и единомышленника Чарльза Уильямса. Разделяя в целом его «теологию любви», Льюис не считал нужным повторять то, что с беспрецедентной яркостью было высказано Уильямсом в его многочисленных работах.

Поразителен параллелизм между подходом Уильямса к творчеству Данте и подходом рассмотренных нами ранее¹¹ итало-французских традиционалистов, а также католических авторов вроде Гвардини. Правда, Уильямс, сам будучи членом нескольких эзотерических организаций («Золотой Зари»), не писал специально о принадлежности Данте к соответствующим структурам. Зато в плане жесткой привязки личности поэта к его творчеству и сплетения в нем в одно целое политической, любовной и метафизической линий он не знал себе равных – пожалуй, даже Гвардини не столь жестко настаивал на буквальном тождестве личности Данте и образа автора в его сочинениях.

Особого внимания заслуживают три обстоятельства. Во-первых, на протяжении четверти века Чарльз Уильямс постоянно разрабатывал свои сочинения по мотивам артуровского цикла и легенд о Св. Граале, параллельно занимаясь наследием Данте, и эта одновременность работы не могла не сказаться на его интерпретациях.

Во-вторых, будучи (как и Макдональд, и Льюис) членом англиканской церкви, Уильямс воспринимал себя, однако, исключительно как вселенского

⁸ См.: Льюис К.С. Отброшенный образ // Льюис К.С. Избранные работы по истории культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 650 [3].

⁹ Там же. С. 642–643, 823.

¹⁰ См.: Гвардини Р. «Божественная Комедия» Данте: ее основные религиозные и философские идеи. СПб.: Владимир Даль, 2020. С. 166–170, 176–190 [4].

¹¹ См.: Медоваров М.В. Интерпретации эзотеризма Данте в итальянских и французских исследованиях середины XIX – второй половины XX в. С. 82–105.

христианина, исповедующего догматы вселенских соборов и рисовавшего в своей мифологии единую Европу (включая артуровскую Англию – Логрис) под властью православного византийского императора. Изыскания Уильямса в этом направлении доходили до рисунка очертаний этой империи в образе женщины (с головой в Англии, пупом в Константинополе и гениталиями в Иерусалиме), в свою очередь отождествляемой в дантовском контексте с Беатриче. Следует учесть, что уже в ранних сборниках своих стихотворений Уильямс прочно встал на путь применения к образу возлюбленной дамы библейских и евангельских образов и лексики, поэтому творческий метод Данте оказался ему особенно близок. Однако, когда речь заходила о филологическом анализе текстов Данте или его взглядов на папство, Уильямс стремился придерживаться строго объективного подхода. Любопытно ироническое замечание ученого: «Никто не может обвинить меня в желании сделать Данте англиканином»¹².

В-третьих, английский исследователь воспринимал всё творчество Данте, включая «Новую жизнь», «Пир», «О монархии», «О народном красноречии» и «Божественную комедию», фактически как части одного гигантского текста, включавшего к тому же внешние свидетельства о жизни Данте. Кульминацией всего этого «метапроизведения» Уильямс неизменно считал «Рай», рассматривая все предыдущие сочинения как подготовительные ступени к нему и высмеивая любителей «Ада» как инфантильных людей, «псевдоромантиков», неспособных к зрелой любви.

Все перечисленные черты, намеки на которые содержатся уже в ранних «Очертаниях романтической теологии» (1924–1925 гг.), оставшихся неопубликованными при жизни Уильямса, в полной мере раскрываются в его маленькой брошюре «Религия и любовь у Данте», написанной в 1941 г.¹³ В ней содержится тезис о том, что указанный Данте путь познания Бога через любовь к женщине и, в принципе, брак следует рекомендовать большинству людей. Кроме того, примечательной чертой данной статьи является перевод на английский неологизмов Данте (*immio*, *intuit*, *inluia*, *indiarsi* etc.), которые с трудом поддаются русскому переводу: *in-thee*, *in-me*, *in-him*, *in-god*, *in-love* (*enamour*), т.е. «в-тебя-ться / влиться-в-тебя», «в-меня-ться / влиться-в-меня», «в-него-ться / влиться-в-него», «в-любить». Все они также независимо от Уильямса встречаются в «Римской Традиции» де Джорджио и в лекциях Гвардини тех же самых лет¹⁴. Вершиной этой терминологии, по Уильямсу, является термин *in-Godding* («обожение»), точно соответствующий православному понятию теозиса.

Спустя два года Уильямс издал книгу «Фигура Беатриче: исследование о Данте» (1943 г.)¹⁵. Этот не очень большой, но фундаментальный труд содержал

¹² См.: Williams C. A Figure of Beatrice: A Study in Dante. London: Faber & Faber, 1943. С. 212 [5].

¹³ Williams C. Religion and Love in Dante: The Theology of Romantic Love // The Dacre Papers. 1941. No. 6. P. 92–111 [6].

¹⁴ См.: Гвардини Р. Указ. соч. С. 149, 254.

¹⁵ См.: Williams C. A Figure of Beatrice: A Study in Dante. London: Faber & Faber, 1943.

лишь единичные ссылки на других исследователей. В целом Уильямс предпочел визионерски излагать собственную интерпретацию творчества Данте в возвышенном стиле, мало напоминавшем научный, но все-таки основанном на твердых и основательных аргументах. По словам такого признанного поэта, как У.Х. Оден, Уильямс – «единственный со времен Данте, кто нашел, как создать поэзию теологии и истории»¹⁶. «Фигура Беатриче», благодаря сначала усиленной рекламе со стороны К.С. Льюиса, а затем собственным достоинствам, вскоре получила невероятную популярность в научных кругах, даже среди академических специалистов по Данте¹⁷. Дороти Сэйерс под влиянием этой книги прочитала «Божественную Комедию» и целиком перевела ее на английский язык. Даже много лет спустя Льюис будет вспоминать о «Фигуре Беатриче»: «Книга, которую любой изучающий Данте должен принимать в расчет – тот род книг, который может оттолкнуть узких экспертов сколь своими достоинствами, столь же и своими недостатками. Если он [Уильямс] знает меньше их о флорентийской политике и истории языка, то он знает намного больше о поэзии и любви – возможно, даже о Небесах и Аде» [9, p. 1031].

О дантовских исследованиях Уильямса существует обширная специальная литература, причем многие исследователи (Глен Кавальеро, Мэри Макдермотт Шиделер, Нэнси Энрайт, Гревел Линдоп, Бенджамин Аттер, Эндрю Расмуссен) единодушно отмечают нераздельность Девы и женского начала, с одной стороны, и Града людей, Империи, с другой стороны, как ту особенность наследия Данте, вокруг которой Уильямс выстраивал всё свое «богословие любви»¹⁸. И действительно, уже при рассмотрении «Новой жизни» английский исследователь приходил к выводу о том, что реальной, живой Беатриче на аллегорическом уровне понимания соответствует философия, на моральном – император, на анагогическом – Бог (при этом папа римский воспринимался как фигура, причастная к двум последним уровням)¹⁹. С не меньшим удовольстви-

¹⁶ См.: Roukema A. *Esotericism and Narrative. The Occult Fiction of Charles Williams*. Leiden; Boston: Brill, 2018. С. 43 [7].

¹⁷ См.: Carpenter H. *The Inklings. C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, Charles Williams and Their Friends*. London: Harper Collins Publishers, 2006. P. 179, 187–189 [8].

¹⁸ См.: Cavaliero G. *The Way of Affirmation: A Study of the Writings of Charles Williams* // *Church Quarterly Review*. Jan/March 1956. No. 157. P. 19–28 [10]; Shideler M.M. *The Theology of Romantic Love: A Study in the Works of Charles Williams*. Grand Rapids: Eerdmans, 1962. P. 29–44 [11]; Enright N. *Charles Williams and his Theology of Romantic Love: A Dantean Interpretation of the Christian Doctrines of the Incarnation and the Trinity* // *Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams and Mythopoetical Literature*. 1989. Vol. 16, No. 2. P. 22–25 [12]; Lindop G. *Charles Williams. The Third Inklings*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 372–376 [13]; Utter B.D. “What Does the Line along the Rivers Define?»: Charles Williams’ *Arthurian* and the Rhetoric of Empire // *The Inklings and King Arthur: J.R.R. Tolkien, Charles Williams, C.S. Lewis and Owen Barfield on the Matter of Britain* / ed. S. Higgins. Berkeley: Apocryphile Press, 2017. P. 299–332 [14]; Rasmusen A. *Beatrice and Byzantium: Sex and the City in the Arthurian Works of Charles Williams* // *Ibid*. P. 367–384 [15].

¹⁹ Williams C. *A Figure of Beatrice*. P. 75.

ем, чем Эвола, Уильямс подчеркивал гибеллинство Данте и в то же время его горестное восприятие переезда пап в Авиньон²⁰. Уильямс указывал на то, что Данте отвергал республиканские порядки Флоренции, поскольку видел, что без монарха никакое государство не воплощено в живом образе и потому не может быть совершенным. «Когда он апеллировал к императору против Флоренции, он апеллировал к сверхъестественному против естественного», – отмечал Уильямс [5, р. 96]. Говоря о Данте, он подчеркивал: «В нем не было ничего от демагога, и очень мало от демократии в нашем обычном смысле слова» [5, р. 41]. Говоря о своем собственном и дантовском идеале Империи, Уильямс описывал его противоположность в следующих словах: «Всё остальное – демократия, отравленная сама собой, – лунатизм равенства без иерархии, точно так же как иерархия без равенства – это всего лишь солнечное безумие» [5, р. 198].

Что касается метафизического пути Данте от момента встречи с Беатриче до достижения Эмпирея в «Рае», то Уильямс назвал его Путем Утверждения, катафатическим путем к Богу, когда богопознание и обожение происходит через созерцание божественного присутствия в реальных людях и вещах, символически. Он считал данный путь равноправным с Путем Отрицания, апофатическим путем аскетов, и при этом парадоксальным образом менее распространенным. Восприятие Беатриче, как впоследствии и Богородицы, у Уильямса носит черты, сближающие его с русской софиологией (ср. также тезис Валли и Генона о Беатриче как аллегории Премудрости Божией). Уильямс рассматривал – и в работах о Данте, и в трудах о Граале и рыцарях короля Артура – те же самые аспекты, что и Эвола, но без его женоненавистничества, а, напротив, с глубоким благоговением перед женскими образами как главным путем к Богу. Причем эти образы он понимал не аллегорически, но как телесно воплощенные и направленные на совокупное спасение и обожение души и тела, оговариваясь: «Спиритуализировать Беатриче, отрывая ее в псевдоромантизме от земли – это, в критике, весьма похоже на смертный грех» [5, р. 103]. Любопытно, что Гвардини позже будет высказывать буквально такие же суждения²¹.

Современная феминистская критика с негодованием обрушивается на Уильямса за его традиционные представления о несколько более пассивной роли женщины по отношению к мужчине, Галахада – к Граалю, Церкви – к Христу. Однако Эндрю Расмуссен отмечает, что тождество Церкви как Империи (Града Небесного) и как Невесты Христовой, как Жены определено уже в Апокалипсисе (Отк. 21:2), этот мотив является общехристианским и потому, во всяком случае, претензии подобного рода к Уильямсу неуместны. Этот же автор своеобразно говорит о «гегельянстве» Уильямса на примере не просто общественного, гражданского, но метафизического значения брака как вхожде-

²⁰ Williams C. A Figure of Beatrice. P. 88.

²¹ См.: Гвардини Р. Указ. соч. С. 179–180, 225, 231, 484.

ния в Град Небесный²². Исследователь убедительно показывает, что Уильямс интерпретировал эзотеризм Данте как отождествление тела Беатриче с телом Империи в трактате «О монархии»: «Девушки несут на себе образ Империи, как мужчины несут образ Императора, а полнота Творения вкратце изображается райски объединенной в гражданском и эротическом единстве» [15, p. 369]. Смысл данного тезиса в принципе тождествен смыслу интерпретаций Эволи и Гвардини, но изложен в более резких, откровенных выражениях.

Помимо Уильямса, значимый вклад в исследование эзотеризма Данте внес Ананда Кумарасвами. Англичанин по матери и по своей ранней карьере, он работал после 1917 г. в США. В своей небольшой статье 1936 г. после внушительного методологического введения о правомерности сравнения европейского и индийского эзотеризма Кумарасвами ссылается на Л. Валли, Р. Генона и иную литературу об отношении Данте к тамплиерам и его возможных индийских источниках, после чего предпринимает попытку расшифровать смысл двух фрагментов «Рая», трудных для комментаторов. Первый отрывок связан с интерпретацией «дочери прекрасной» у Данте как Зари, дочери Солнца²³, второй – с толкованием слов поэта о «силе, формирующей гнезда» в контексте как христианской, так и индийской традиции²⁴. По убеждению Кумарасвами, возможность буквальных совпадений (даже на уровне индоевропейских корней слов) между Данте, Майстером Экхартом и индуистскими священными текстами обусловлена тем, что «перед нами альтернативные формулировки общей доктрины, являющиеся диалектами одного-единственного языка духа»²⁵.

Следует учесть, что Кумарасвами в молодости был причастен к кругу У. Морриса и в дальнейшем высоко ценил его, а Моррис был тесно связан с Дж. Макдональдом, так что косвенный общий источник взглядов Кумарасвами и Уильямса может быть прослежен. К сожалению, статья первого прошла незамеченной, в то время как книга Уильямса была столь необычным вкладом в изучение Данте, что известия о ней дошли даже до русской эмиграции и отозвались там неожиданным образом. В 1956 году о. Георгий Флоровский опубликовал на английском языке статью «Владимир Соловьев и Данте: проблема христианской империи»²⁶, переведенную на русский язык лишь полвека спустя. В данной работе рассматривается влияние имперской, гибеллинской традиции Данте на русских мыслителей XIX столетия: не только на В.С. Соловьева, но отчасти и на Ф.И. Тютчева и Н.В. Гоголя. Любопытно, что даже работу В.С. Соловьева (сов-

²² Rasmussen A. Op. cit. P. 367–370 [15].

²³ См.: Кумарасвами А.К. Два отрывка из «Рая» Данте // Кумарасвами А.К. Метафизика. Т. 2. Погружение. М.: Тотенбург, 2021. С. 202–206 [16].

²⁴ Там же. С. 206–212.

²⁵ Там же. С. 212.

²⁶ Florovsky G.V. Vladimir Solov'ev and Dante: The Problem of Christian Empire // For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday, 11 October 1956. The Hague: Mouton & C°, 1956. P. 152–160 [17].

местно с А.А. Фетом) над переводами Вергилия Флоровский убедительно связывает с глубоким впечатлением от прочтения «Пира» и «Монархии» Данте с их мыслью об изначальной избранности Рима со времен Энея как будущего центра христианства²⁷. Правда, Соловьев относился к папству намного более позитивно, чем Данте, и по взглядам являлся скорее «гвельфом», нежели «гибеллином»; однако Флоровский обратил внимание, что сакральное значение власти императора, пусть и стоящего на ступень ниже папы, он все-таки признавал на всех этапах своей жизни²⁸. «Несмотря на его настоятельное требование абсолютной полноты авторитета Святого Петра, он хочет не допустить Sacerdotium в сферу политики и сохранить за Imperium окончательное утверждение Правды. Всему этому он мог научиться у Данте», – заключает Флоровский о Соловьеве [18, с. 428].

Для целей нашего исследования наиболее существенна ссылка Флоровского, во-первых, напрямую на «Фигуру Беатриче» Уильямса в связи с его утверждением, что «ключ к “Комедии” заключен в “Монархии”, но ключ к “Монархии” сокрыт в “Энеиде”»²⁹, во-вторых, на работу Джорджа Эври о самом Уильямсе, оставшуюся недоступной для Флоровского и процитированную им по комментариям Дороти Сэйерс, опять-таки всецело зависимым от уильямсовской интерпретации³⁰. В последнем случае речь шла о тезисе, что священный Рим Уильямса был не языческим Римом и не феодальной Священной Римской империей германской нации, но именно православной Византией: момент, который Владимир Соловьев вполне осознал только к 1896 г.³¹

Экскурс в область исследований эзотеризма Данте, представляющийся в биографии Флоровского единичным эпизодом, был не первым вкладом русских философов в это направление исследований. В сентябре 1921 г., к 600-летию со дня кончины великого поэта о. Павел Флоренский написал заключительный, девятый параграф к своим «Мнимостям в геометрии»³². При этом он оказался единственным исследователем, кто обратил внимание, что, перевернувшись за всю поэму только один раз в конце «Ада», «поэт приходит на прежнее место в том же положении, в каком он уходил с него»³³. Любопытно, что никто из ранее рассмотренных нами авторов, хотя они писали позднее Флоренского и в деталях рассматривали путешествие автора в «Божественной комедии», вклю-

²⁷ См.: Флоровский Г.В. Владимир Соловьев и Данте: проблема христианской империи // Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьева. М.: Модест Колеров, 2010. С. 419–421 [18].

²⁸ Там же. С. 424–425.

²⁹ См.: Williams C. A Figure of Beatrice: A Study in Dante. С. 93; Флоровский Г.В. Владимир Соловьев и Данте: проблема христианской империи. С. 422–423.

³⁰ См.: Флоровский Г.В. Владимир Соловьев и Данте: проблема христианской империи. С. 422.

³¹ См.: Медоваров М.В. Polemika Владимира Соловьева и Александра Киреева в 1897 году: хронология, контекст, источники // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 3(71). С. 24–25 [19].

³² См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М.: Поморье, 1922. С. 45–53 [20].

³³ Там же. С. 47.

чая сам момент переворачивания³⁴, не обратил внимания на аномальное поведение пространства в поэме, хотя и Р. Генон, и А. Регини тоже были математиками, посвятившими немало трудов исследованию сакральной арифметики и геометрии в античности и средневековье.

В конечном счете Флоренский, ссылаясь также на общее предвосхищение неевклидовой геометрии у Данте, приходит к выводу о том, что его пространство является эллиптическим (типа ленты Мёбиуса). Наконец, описание Эмпирея в дантовском «Рае» Флоренский строго обосновывает специальной теорией относительности А. Эйнштейна. Эмпирей оказывается мнимым пространством, где масса и длина тел, вращающихся со скоростью выше скорости света, становятся мнимыми (в математическом смысле), а следствия предшествуют причинам³⁵. Переход Данте в эту сферу в конце «Рая» в таком случае «возможен только через *разлом* пространства и *выворачивание* тела чрез самого себя». «Так, разрывая время, “Божественная Комедия” неожиданно оказывается не позади, а *впереди* известной нам науки», – заключает Флоренский [20, с. 53], опережая в этом мысль даже творивших сорок лет спустя Льюиса и Гвардини, все еще писавших о конфликте дантовской и ньютоновской космологий и долгое время не применявших неклассическую парадигму физики XX столетия для пересмотра данных позиций. Лишь позднее вклад Флоренского начали оценивать по достоинству: в 1970-е гг. первым переводчиком его трудов на итальянский язык стал тот самый итальянский эволюист Элемире Дзолла, который издал «Римскую Традицию» де Джорджио. С запозданием в 50 лет в Советском Союзе тоже была признана данная заслуга Флоренского: «Попытка русского математика истолковать Данте при помощи новейших теорий мнимости и относительности опередила на несколько десятилетий аналогичные штудии на Западе»³⁶.

К сожалению, советская эпоха, давшая едва ли не лучший в мире перевод «Божественной комедии» М.Л. Лозинского, отмеченный Сталинской премией в 1945 г., мало благоприятствовала открытым изысканиям в области эзотеризма Данте, творчество которого преимущественно интерпретировалось через историческую, социально-экономическую призму, особенно в 1960-е гг. Например, в монографии Л.М. Баткина не упоминаются никакие ордена и тайные общества того времени, не связываются в единое целое политическая, любовная и космологическая линии «Комедии», полностью отсутствуют ссылки на упомянутых нами виднейших западноевропейских исследователей³⁷. То же самое можно сказать и о первой книге И.Н. Голенищева-Кутузова, с оговоркой, что он хотя бы писал о вероятности встреч Данте с тамплиерами, бежавшими в ги-

³⁴ См., например: Гвардини Р. Указ. соч. С. 288.

³⁵ См.: Флоренский П.А. Указ. соч. С. 51–53.

³⁶ См.: Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. С. 492 [21].

³⁷ См.: Баткин Л.М. Данте и его время. Поэт и политика. М., 1965 [22].

беллинские районы Италии³⁸. Лишь во второй, посмертно изданной своей монографии И.Н. Голенищев-Кутузов смог остановиться на арабских источниках воззрений Данте и подчеркнуть вклад Флоренского, сославшись на пришедшего в 1960 г. к точно такому же выводу итальянского математика М. Луччо: «Наиболее современные представления о Вселенной Эйнштейна и его последователей странным образом похожи на теории Данте» [21, с. 493]. Без разгадки оставил автор вопрос о том, откуда Данте мог знать созвездие Южного Креста в Южном полушарии. Наконец, Голенищев-Кутузов первым познакомил русскоязычных читателей со спорами итало-французских исследователей XIX века, начиная с Россетти и Ару, о «католическом социализме» и «еретичестве» Данте³⁹.

Ситуация в советском дантоведении заметно улучшилась в 70-е и 80-е годы XX в., когда председатель Дантовской комиссии РАН, главный редактор «Дантовских чтений» И.Ф. Бэлза смог выступить с рядом публикаций, затрагивающих вопрос о влиянии учений катаров и тамплиеров на великого поэта⁴⁰. При этом Бэлза объединял богомилов, катаров и тамплиеров определением «антифеодальных дуалистических ересей», с чем можно поспорить, учитывая, что многие феодалы являлись как раз оплотом альбигойства и тамплиерства. Относя Данте к числу сочувствующим «еретикам», советский исследователь ссылаясь на явно устаревшие труды Э. Ару, игнорируя новую постановку вопроса у Л. Валли, Р. Генона, Ю. Эволы, Г. де Джорджио, Ч. Уильямса о том, что эзотерическое мировоззрение Данте являлось вполне ортодоксальной надстройкой над католицизмом, а вовсе не еретическим, альбигойским отрицанием оногo. Однако к числу заслуг И.Ф. Бэлзы следует отнести внесение в советское дантоведение тезиса о связи Данте с тамплиерами, что было высоко оценено И.Б. Приходько⁴¹.

Другом Бэлзы являлся широко известный исследователь средневековой алхимии В.Л. Рабинович, в двух статьях уделивший внимание алхимическим элементам у Данте⁴². Однако и он в советское время избегал открытого разго-

³⁸ См.: Голенищев-Кутузов И.Н. Данте. М., 1967. С. 188–191 [23].

³⁹ См.: Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. С. 383, 415.

⁴⁰ См.: Бэлза И.Ф. На полях «Божественной комедии» // Дантовские чтения. М.: Наука, 1971. С. 9–51 [24]; Бэлза И.Ф. Беатриче. Некоторые проблемы современной дантологии // Дантовские чтения. М.: Наука, 1973. С. 197–216 [25]; Бэлза И.Ф. Некоторые проблемы интерпретации и комментирования «Божественной Комедии» // Дантовские чтения. М.: Наука, 1979. С. 34–73 [26]; Бэлза И.Ф. *Il ben de l'intelletto* // Дантовские чтения. М.: Наука, 1985. С. 67–103 [27]; Бэлза И.Ф. Дантовская концепция «Мастера и Маргариты» // Дантовские чтения. М.: Наука, 1989. С. 58–90 [28].

⁴¹ Приходько И.С. Блок и Данте: миф о посвятельном пути Поэта // Россия и гнозис. Т. II. СПб.: РХГА, 2015. С. 169 [29].

⁴² См.: Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979 [30]; Рабинович В.Л. Божественная комедия и миф о философском камне // Дантовские чтения. М.: Наука, 1985. С. 235–271 [31]; Рабинович В.Л. Алхимия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. С. 515–566 [32]; Рабинович В.Л. Полдень Средневековья. М.: Эксмо, 2013. С. 325–390 [33].

вора о герметическом символизме в сочинениях Данте. Эта тема лишь вскользь затронута в его книге 1979 г. «Алхимия как феномен средневековой культуры», где Рабинович рассматривал символику цветов и чисел в «Божественной Комедии» как позаимствованную поэтом у алхимиков⁴³ и в то же время представлял Данте как внешнего наблюдателя герметической традиции: «Алхимический миф и миф христианский. Их синхронное историческое существование. Каково оно? Обращусь к Данте, современнику и очевидцу алхимических фантазмагорий, глядящему в кривое алхимическое зеркало, рассматривающему ночной алхимический миф голубыми глазами христианина XIII–XIV столетий. Миф, выведенный за пределы самого себя – в пределы собственно христианского мифа; но выведенный, однако, алхимическим способом» [30, с. 164].

Отдельное исследование о Данте впервые появилось у Рабиновича в статье 1985 г., с минимальными изменениями включенной позднее в издания его трудов 2012 и 2013 гг. В данной работе Рабинович подхватывает мнение Бэлзы о близости Данте к дуалистическим «ересям» (этот термин историк берет в кавычки), сосредоточивая внимание, во-первых, на близости поэта к тамплиерам периода их разгрома (В.Л. Рабинович прямо пишет о «тайном знании», которое якобы хранил этот орден), во-вторых, на знании Данте символизма цветов в алхимии и на его суровом осуждении лжеалхимиков, мошенников, совершавших фальшивые трансмутации. В конечном счете Рабинович вслед за Бэлзой считает Данте плохо прикрытым еретиком, далеким от католической ортодоксии, и загадочно заключает: «Дуалистический характер ересей, полюбившихся Данте, – вещь существенная. Именно в этой точке – возможное место встречи Дантова сознания с сознанием алхимическим. В подробности входить сейчас не будем» [32, с. 561]. К сожалению, В.Л. Рабинович так и не вошел в подробности ни в данной пятидесятистраничной статье, ни в других своих работах.

В конце советской эпохи ценные соображения в изучение эзотеризма Данте внес представитель нового поколения исследователей – А.Л. Доброхотов, заметно углубивший результаты исследований Бэлзы и Рабиновича (на которые он ссылался в списке литературы). В небольшой обзорной книге о Данте 1990 г. он, дав ссылки на П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева, вернул в легитимное поле научного обсуждения и неевклидово пространство «Божественной Комедии», и исламские, суфийские влияния на «тайный язык» поэзии трубадуров, и эзотерическую концепцию происхождения языка у Данте, и вопрос о «тайном имени Рима» – AMOR, и «зашифрованные» в поэме математические ребусы в духе средневековой «науки чисел», практиковавшейся посвященными⁴⁴. Доброхотов отверг филологический подход к Данте и подчеркнул, что он в первую очередь не столько поэт, сколько метафизик, философ⁴⁵. Уже в пост-

⁴³ См.: Рабинович В.Л. Алхимия как феномен... С. 101–104, 164–166, 242–243 [30].

⁴⁴ См.: Доброхотов А.Л. Данте. М., 1990. С. 36, 59–61, 75, 138 [34].

⁴⁵ Там же. С. 4–6, 188–190.

советский период Доброхотов, не ссылаясь на статью Г.В. Флоровского напрямую, повторил ее ключевую мысль: «Возможно, какие-то подсказки к интерпретации идеала “Монархии” могут дать мотивы политических работ таких русских мыслителей, как Ф.И. Тютчев, Вл. Соловьев, И.А. Ильин, чьи поиски не были прямо связаны с “монархизмом” в обычном смысле слова, но скорее воскрешали дух политической фантазии Данте» [35, с. 18].

Исследования эзотеризма Данте продолжались в России и в начале XXI века. В 2003 г. Аркадий Малер, знакомый с трудами Генона и Эволы, но не осведомленный на тот момент о работах Джорджио, Гвардини и Уильямса, самостоятельно пришел к выводу о жесткой взаимосвязи любовной и политической метафизик итальянского поэта: «Римский империалист Данте Алигьери в своей “Монархии” даже считал, что Рим только потому имеет право господствовать в мире, что возлюбленные Энея жили на разных континентах – Креуса в Азии (Троя), Дидона в Африке (Карфаген) и Лавиния в Европе (Италия). <...> Такой подход Данте к решению геополитических проблем не должен вызывать удивления, ведь “возлюбленные Энея” с неизбежностью являются фигурами инициатического содержания, что было очевидно для Данте, посвященного в тамплиерский орден “Адептов Любви”, тем более что сам Эней, основатель Рима, был сыном Венеры» [36, с. 156]. «Фундаментальная метафизическая связь между инициатической Любовью и созиданием мировой Империи отражается также на сакральной этимологии латинского слова ROMA (Рим), которое в обратном прочтении выглядит как AMOR (Любовь)», – добавлял Малер [36, с. 156], буквально повторяя главу из книги де Джорджио о «тайном имени Рима»⁴⁶.

Однако в целом российские исследователи обращались к эзотеризму Данте крайне редко. Например, в 2011 г. появилась статья Л.Г. Александрова⁴⁷, вскользь ссылающегося на труды Доброхотова и отмечающего гетеродоксальное влияние эсхатологии тамплиеров и последователей Иоахима Флорского на Данте. Тем не менее на фоне внушительного количества научной литературы на итальянском, французском, английском и даже венгерском и турецком языках об эзотеризме Данте отечественные исследователи в последние десятилетия явно находятся в числе отстающих. Какой-либо единой школы или хотя бы направления штудий в данном русле, не говоря уже о тематических журналах и сборниках, в России не сложилось, несмотря на то, что по отдельности каждый российский исследователь заслуживает внимания, а в ряде случаев (как с Флоренским) в российских исследованиях рассматриваются уникальные детали, обойденные вниманием у зарубежных коллег.

Таким образом, если можно констатировать существование с середины XIX до второй половины XX века непрерывной итало-французской традиции

⁴⁶ De Giorgio G. La Tradizione Romana. Roma: Edizioni Mediterranee, 1989. P. 181–193 [37].

⁴⁷ Александров Л.Г. Классическая западная эзотерическая космология (астрология) как источниковедческая проблема // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 20. Филология. 2011. № 12. С. 128 [38].

изучения и углубленного постижения вопросов, связанных с эзотеризмом Данте, то применительно к британским и российским исследователям приходится говорить лишь о разрозненных трудах отдельных лиц, пусть даже среди них оказывались подчас такие авторы фундаментальных и оригинальных концепций, как Чарльз Уильямс и о. Павел Флоренский. Кроме того, почти все британские и русские специалисты, обращавшиеся к проблемам эзотеризма Данте, так или иначе ссылались на труды своих итальянских и французских предшественников, будучи зависимыми от них. Неудивительно, что целый ряд сюжетов повторяется в работах ученых разных стран: влияние членства Данте в тайных орденах его времени на картину мира в «Божественной Комедии», его твердо установленные связи с тамплиерами и трубадурами и гораздо более сомнительные связи с катарами; неразрывность софиологической метафизики Любви и гибеллинской метафизики Империи в произведениях поэта; специфическая антропология Данте, нацеленная на обожение адепта и родственная рыцарской традиции Грааля; алхимический символизм в «Комедии». В ряде случаев русские и английские авторы более углубленно рассматривали темы Любви и Империи, по сравнению с итальянскими и французскими, и, несомненно, глубоко лично переживали данную проблематику, но это не меняет общей историографической картины. К сожалению, о разветвленной или даже просто непрерывной традиции изучения эзотеризма Данте в отечественной гуманитаристике говорить все-таки не приходится.

Интерпретации загадочных мест в биографии и творчестве Данте Алигьери в контексте его эпохи в связи со средневековой картиной мира и с вопросом об источниках метафизических концепций поэта в XX веке привели к созданию крупных исследовательских трудов, положив конец многовековому поверхностно-филологическому пониманию автора «Божественной Комедии». К настоящему времени обсуждение всех перечисленных нами выше вопросов заняло прочное и легитимное место в мировом дантоведении, став плодом десятков исследователей из разных стран. Постигание глубин «Божественной Комедии» и других сочинений гениального флорентийца будет продолжаться в различных регионах мира и в XXI веке, поскольку сам этот процесс способствует духовному становлению многих тысяч людей.

Список литературы

1. Медоваров М.В. Интерпретации эзотеризма Данте в итальянских и французских исследованиях середины XIX – второй половины XX в. // Соловьевские исследования. 2021. Вып. 4(72). С. 82–105.
2. Макдональд Дж. Страна Северного Ветра. М.: Центр Нарния, 2005. 361 с.
3. Льюис К.С. Отброшенный образ // Льюис К.С. Избранные работы по истории культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 633–839.
4. Гвардини Р. «Божественная Комедия» Данте: ее основные религиозные и философские идеи. СПб.: Владимир Даль, 2020. 498 с.
5. Williams C. A Figure of Beatrice: A Study in Dante. London: Faber & Faber, 1943. 236 p.
6. Williams C. Religion and Love in Dante: The Theology of Romantic Love // The Dacre Papers. 1941. No. 6. P. 92–111.

7. Roukema A. Esotericism and Narrative. The Occult Fiction of Charles Williams. Leiden; Boston: Brill, 2018. 318 p.
8. Carpenter H. The Inklings. C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, Charles Williams and Their Friends. London: Harper Collins Publishers, 2006. 287 p.
9. Lewis C.S. Collected Letters of C.S. Lewis. Vol. III. Narnia, Cambridge and Joy. 1950–1963 / ed. by W. Hooper. London: Harper Collins Publishers, 2004. 1840 p.
10. Cavaliero G. The Way of Affirmation: A Study of the Writings of Charles Williams // Church Quarterly Review. Jan/March 1956. No. 157. P. 19–28.
11. Shideler M.M. The Theology of Romantic Love: A Study in the Works of Charles Williams. Grand Rapids: Eerdmans, 1962. 256 p.
12. Enright N. Charles Williams and his Theology of Romantic Love: A Dantean Interpretation of the Christian Doctrines of the Incarnation and the Trinity // Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams and Mythopoetical Literature. 1989. Vol. 16, No. 2. P. 22–25.
13. Lindop G. Charles Williams. The Third Inklings. Oxford: Oxford University Press, 2015. 493 p.
14. Utter B.D. “What Does the Line along the Rivers Define?”: Charles Williams’ Arthuriad and the Rhetoric of Empire // The Inklings and King Arthur: J.R.R. Tolkien, Charles Williams, C.S. Lewis and Owen Barfield on the Matter of Britain / ed. by S. Higgins. Berkeley: Apocryphile Press, 2017. P. 299–332.
15. Rasmussen A. Beatrice and Byzantium: Sex and the City in the Arthurian Works of Charles Williams // The Inklings and King Arthur: J.R.R. Tolkien, Charles Williams, C.S. Lewis and Owen Barfield on the Matter of Britain / ed. by S. Higgins. Berkeley: Apocryphile Press, 2017. P. 367–384.
16. Кумарасвами А.К. Два отрывка из «Рая» Данте // Кумарасвами А.К. Метафизика. Т. 2. Погружение. М.: Тотенбург, 2021. С. 192–212.
17. Florovsky G.V. Vladimir Solov’ev and Dante: The Problem of Christian Empire // For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday, 11 October 1956. The Hague: Mouton & C°, 1956. P. 152–160.
18. Флоровский Г.В. Владимир Соловьёв и Данте: проблема христианской империи // Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьёва. М.: Модест Колеров, 2010. С. 411–437.
19. Медоваров М.В. Polemika Владимира Соловьёва и Александра Киреева в 1897 году: хронология, контекст, источники // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 3(71). С. 22–24.
20. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М.: Поморье, 1922. 70 с.
21. Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. 551 с.
22. Баткин Л.М. Данте и его время. Поэт и политика. М.: Наука, 1965. 198 с.
23. Голенищев-Кутузов И.Н. Данте. М.: Молодая гвардия, 1967. 288 с.
24. Бэлза И.Ф. Некоторые проблемы интерпретации и комментирования «Божественной Комедии» // Дантовские чтения 1979. М.: Наука, 1979. С. 34–73.
25. Бэлза И.Ф. На полях «Божественной комедии» // Дантовские чтения 1971. М.: Наука, 1971. С. 9–51.
26. Бэлза И.Ф. Беатриче. Некоторые проблемы современной дантологии // Дантовские чтения 1973. М.: Наука, 1973. С. 197–216.
27. Бэлза И.Ф. Il ben de l’intelletto // Дантовские чтения 1985. М.: Наука, 1985. С. 67–103.
28. Бэлза И.Ф. Дантовская концепция «Мастера и Маргариты» // Дантовские чтения. М.: Наука, 1989. С. 58–90.
29. Приходько И.С. Блок и Данте: миф о посвятельном пути Поэта // Россия и гнозис: Труды междунар. науч. конф. Т. II. СПб.: РХГА, 2015. С. 165–175.
30. Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 391 с.
31. Рабинович В.Л. Божественная комедия и миф о философском камне // Дантовские чтения. М.: Наука, 1985. С. 235–271.
32. Рабинович В.Л. Алхимия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 704 с.
33. Рабинович В.Л. Полдень Средневековья. М.: Эксмо, 2013. 400 с.
34. Доброхотов А.Л. Данте. М.: Мысль, 1990. 207 с.

35. Доброхотов А.Л. О «Монархии» Данте // Данте Алигьери. Монархия. М.: Канон-пресс-Ц – Кучково поле, 1999. С. 5–18.
36. Малер А.М. Стратегии сакрального смысла. М.: Парад, 2003. 268 с.
37. De Giorgio G. La Tradizione Romana. Roma: Edizioni Mediterranee, 1989. 323 p.
38. Александров Л.Г. Классическая западная эзотерическая космология (астрология) как источниковедческая проблема // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 20. Филология. 2011. № 12. С. 124–131.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Aleksandrov, L.G. Klassicheskaya zapadnaya ezotericheskaya kosmologiya (astrologiya) kak istochnikovedcheskaya problema [Classical Western Esoteric Cosmology (Astrology) as a Source Study Problem], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 20. Filologiya*, 2011, no. 12, pp. 124–131.
2. Belza, I.F. Beatrice. Nekotorye problemy sovremennoy dantologii [Beatrice. Some problems of modern Dantology], in *Dantovskie chteniya 1973*. Moscow: Nauka, 1973, pp. 197–216.
3. Belza, I.F. Dantovskaya kontseptsiya «Mastera i Margarity» [Dante's concept of “The Master and Margarita”], in *Dantovskie chteniya. 1989*. Moscow: Nauka, 1989, pp. 58–90.
4. Belza, I.F. Il ben de l'intelletto, in *Dantovskie chteniya 1985*. Moscow: Nauka, 1985, pp. 67–103.
5. Belza, I.F. Na polyakh «Bozhestvennoy komedii» [On the Margins of the “Divine Comedy”], in *Dantovskie chteniya 1971*. Moscow: Nauka, 1971, pp. 9–51.
6. Belza, I.F. Nekotorye problemy interpretatsii i kommentirovaniya «Bozhestvennoy Komedii» [Some Problems of Interpretation and Commenting of the “Divine Comedy”], in *Dantovskie chteniya 1979*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 34–73.
7. Cavaliero, G. The Way of Affirmation: A Study of the Writings of Charles Williams, in *Church Quarterly Review*, Jan/March 1956, no. 157, pp. 19–28.
8. Medovarov, M.V. Interpretatsii ezoterizma Dante v ital'yanskikh i frantsuzskikh issledovaniyakh serediny XIX – vtoroy poloviny XX v. [Interpretations of Dante's Esotericism in Italian and French Studies since the Middle Nineteenth till the Late Twentieth Centuries], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2021, issue 4(72), pp. 82–105.
9. Medovarov, M.V. Polemika Vladimira Solov'eva i Aleksandra Kireeva v 1897 godu: khronologiya, kontekst, istochniki [The Dispute of Vladimir Solovyov and Alexander Kireev about the Union of Churches in 1897: Chronology, Context, Sources], in *Solovyovskie issledovaniya*, 2021, issue 3(71), pp. 22–64.
10. Rabinovich, V.L. Bozhestvennaya komediya i mif o filosofskom kamne [Divine Comedy and the Philosopher's Stone Myth], in *Dantovskie chteniya*. Moscow: Nauka, 1985, pp. 235–271.
11. Williams, C. Religion and Love in Dante: The Theology of Romantic Love, in *The Dacre Papers*, 1941, no. 6, pp. 92–111.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

12. Coomaraswamy, A.K. Dva otryvka iz «Raya» Dante [Two extracts from “Paradise” by Dante], in Coomaraswamy, A.K. *Metafizika. T. 2. Pogruzhenie* [Metaphysics. Vol. 2. Dive]. Moscow: Totenburg, 2021, pp. 192–212.
13. Dobrokhotoy, A.L. O «Monarkhii» Dante [On Dante's “De Monarchia”], in Dante Alighieri. *Monarkhiya* [Monarchy]. Moscow: Kanon-press-C – Kuchkovo pole, 1999, pp. 5–18.
14. Enright, N. Charles Williams and his Theology of Romantic Love: A Dantean Interpretation of the Christian Doctrines of the Incarnation and the Trinity, in *Mythlore: A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams and Mythopoetical Literature*, 1989, vol. 16, no. 2, pp. 22–25.
15. Florovsky, G.V. Vladimir Solov'ev and Dante: The Problem of Christian Empire, in *For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday, 11 October 1956*. The Hague: Mouton & C°, 1956, pp. 152–160.

16. Florovskiy, G.V. Vladimir Solov'ev i Dante: problema khristianskoy imperii [Vladimir Solov'ev and Dante: The Problem of Christian Empire], in Pribytkova, E.A. *Nesvoevremennyi sovremennik: filosofiya prava V.S. Solov'eva* [An Untimely Contemporary: Vladimir Solovyov's Philosophy of Law]. Moscow: Modest Kolerov, 2010, pp. 411–437.

17. Prikhod'ko, I.S. Blok i Dante: mif o posvyatitel'nom puti Poeta [Blok and Dante: the Myth of the Initiatory Path of the Poet], in *Rossiya i gnozis: Trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, vol. II [Russia and Gnosis: Proceedings of the International Scientific Conference. Vol. II]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2015, pp. 165–175.

18. Rasmussen, A. Beatrice and Byzantium: Sex and the City in the Arthurian Works of Charles Williams, in *The Inklings and King Arthur: J.R.R. Tolkien, Charles Williams, C.S. Lewis and Owen Barfield on the Matter of Britain*. Berkeley: Apocryphile Press, 2017, pp. 367–384.

19. Utter, B.D. "What Does the Line along the Rivers Define?": Charles Williams' Arthuriad and the Rhetoric of Empire, in *The Inklings and King Arthur: J.R.R. Tolkien, Charles Williams, C.S. Lewis and Owen Barfield on the Matter of Britain*. Berkeley: Apocryphile Press, 2017, pp. 299–332.

(Monographs)

20. Batkin, L.M. *Dante i ego vremya. Poet i politika* [Dante and His Time. The Poet and Politics]. Moscow: Nauka, 1965. 198 p.

21. Carpenter, H. *The Inklings. C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, Charles Williams and Their Friends*. London: Harper Collins Publishers, 2006. 287 p.

22. De Giorgio G. *La Tradizione Romana*. Roma: Edizioni Mediterranee, 1989. 323 p.

23. Dobrokhotoy, A.L. *Dante*. Moscow: Mysl', 1990. 207 p.

24. Florenskiy, P.A. *Mnimosti v geometrii* [Imaginary Numbers in Geometry]. Moscow: Pomor'e, 1922. 70 p.

25. Golenishchev-Kutuzov, I.N. *Dante*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1967. 288 p.

26. Golenishchev-Kutuzov, I.N. *Tvorchestvo Dante i mirovaya kul'tura* [Dante's Creativity and the World Culture]. Moscow: Nauka, 1971. 551 p.

27. Guardini, R. «Bozhestvennaya Komediya» Dante: ee osnovnye religioznye i filosofskie idei [Dante's "Divine Comedy": Its Main Religious and Philosophical Ideas]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2020. 498 p.

28. Lewis, C.S. *Collected Letters of C.S. Lewis. Vol. III. Narnia, Cambridge and Joy. 1950–1963*. London: Harper Collins Publishers, 2004. 1840 p.

29. L'yuis, K.S. Otbroshennyi obraz [The Discarded Image], in L'yuis, K.S. *Izbrannye raboty po istorii kul'tury* [Selected Works on the History of Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, pp. 633–839.

30. Lindop, G. *Charles Williams. The Third Inkling*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 493 p.

31. MacDonald, G. *Strana Severnogo Vetra* [At the Back of the North Wind]. Moscow: Tsentr Narniya, 2005. 361 p.

32. Maler, A.M. *Strategii sakral'nogo smysla* [Strategies of Sacral Meaning]. Moscow: Parad, 2003. 268 p.

33. Rabinovich, V.L. *Alkhimiya* [Alchemy]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakh, 2012. 704 p.

34. Rabinovich, V.L. *Alkhimiya kak fenomen srednevekovoy kul'tury* [Alchemy as a Phenomenon of Medieval Culture]. Moscow: Nauka, 1979. 391 p.

35. Rabinovich, V.L. *Polden' Srednevekov'ya* [Middle Ages' Noon]. Moscow: Eksmo, 2013. 400 p.

36. Roukema, A. *Esotericism and Narrative. The Occult Fiction of Charles Williams*. Leiden; Boston: Brill, 2018. 318 p.

37. Shideler, M.M. *The Theology of Romantic Love: A Study in the Works of Charles Williams*. Grand Rapids: Eerdmans, 1962. 256 p.

38. Williams, C. *A Figure of Beatrice: A Study in Dante*. London: Faber & Faber, 1943. 236 p.